

подчеркивают их нетрадиционную сексуальную ориентацию либо сексистскую принадлежность (14%), используя слова *gay, lesbiana, pedophile/pedo, sexist, trans* и т.д., причем адресат необязательно является представителем сексуального меньшинства. В данном случае акцент делается на негативную коннотацию этих лексических единиц, например, *You're a bit flipping sick. Sorry for replying to your phedo crap*. В англоязычных твитах буллер часто сравнивает жертву с разнообразными животными (10%), например, *Doja Cat is the "bitch cow" girl*. Довольно часто в эмпирическом материале встречаются слова и словосочетания, явно выражающие пожелание зла и смерти (8%), например, *burn in hell, death, die in inferno, kill yourself, slit your wrists, stop living*, а также лексические единицы, выражающие проклятия (7%), например, *curse, damn, darn, hex, jinx*. Необходимо отметить, что отдельная лексическая единица способна выступать в качестве самостоятельной буллинг-реплики или даже целого твита, что в значительной степени упрощает воздействие преднамеренной виртуальной вербальной агрессии на жертву кибербуллинга. Таким образом, лексические особенности рассматриваемой деструктивной стратегии в целом обусловлены свойственной интернет-коммуникации гибридностью, объединением различных типов дискурса, открытостью и динамичностью. На выбор лексических средств влияют следующие тенденции функционирования виртуального общения: анонимность пользователя, максимальная компрессия информации, эмоциональная насыщенность и усиление экспрессивности сообщений.

Наименования лиц с семей «неповоротливость, неуклюжесть» с различной внутренней формой в русском и белорусском языках

*Ковалева А. И., асп. БГУ,
науч. рук. Ровдо И. С., д-р фил. наук, проф.*

Лексическая система языка хранит и репрезентует знания и представления человека о мире. Сопоставительный анализ лексических систем отдельных языков позволяет проследить тождества и различия в национальных языковых картинах мира, и одним из параметров такого сопоставления может служить внутренняя форма слова (далее ВФ), которая на морфемном уровне демонстрирует связь между получившими в языке наименования явлениями действительности.

Особый интерес для сопоставления с точки зрения ВФ представляют наименования с оценочным компонентом значения. Во-первых, оценка за-

ключается в соотношении свойств и качеств предметов, лиц, явлений с нормой либо не-нормой, что определяет значительное число семантических дериватов и структурных дериватов с метафорической мотивацией среди слов с оценочным компонентом значения. Поскольку в сопоставляемых языках выбор одного и того же объекта в качестве эталона для сопоставления необязателен, данные дериваты часто демонстрируют иную ВФ, чем их эквиваленты в сопоставляемом языке. Во-вторых, даже в пределах лексической системы одного языка оценочная лексика с общим компонентом значения может образовывать синонимический ряд, члены которого обладают разной ВФ. Таким образом, при сопоставлении эквивалентных синонимических рядов возможно проследить особенности выбора тех или иных фрагментов действительности в качестве эталонных для наименования явлений, подвергающихся оценке.

Материалом данной работы послужили русские и белорусские семантически коррелятивные наименования лиц с семой «неповоротливость, неуклюжесть», извлеченные методом сплошной выборки с использованием челночного метода [1] из «Русско-белорусского» и «Белорусско-русского словаря» НАН Беларуси. Как в русском, так и в белорусском языках наименования лиц с семой «неповоротливость, неуклюжесть» образуют синонимические ряды, однако значительное число их членов либо утратили ВФ, либо являются идеофонами (рус. *пентях*, *рохля*, *тёха* бел. *кіжлай*, *цяхцяй*). Слов, именующих неповоротливого человека и при этом имеющих ВФ в современном русском и белорусском языках, немного, однако, основываясь на сопоставлении их ВФ, можно наметить некоторые тенденции в способах восприятия данной характеристики носителями сопоставляемых языков. Для обоих языков характерно сопоставление физически пассивного и медлительного человека с тяжелым, трудно вовлекаемым в движение объектом: рус. *мешок* – бел. *мяшок*; рус. *пехтерь* – бел. *пяхцер* ‘корзина, кошель’, рус. *тюфяк* ‘мешок, набитый соломой, сеном, волосом и т.п., служащий постелью’. Однако только среди белорусских семантических коррелятов зафиксированы сравнения неуклюжего человека с деревянным предметом: бел. *цяльпук* – ‘кароткі, тоўсты кавалак дрэва; цурбан, калодка’, *мяла* – ‘драўляны таўкач, якім таўкуць бульбу, труць мак’; *калода* – ‘кароткае, тоўстае бярвяно’. В русском языке также существуют оценочные наименования лиц, основанные на их сравнении с деревянными предметами, однако в русской языковой картине мира последние становятся эталонами глупости и «эмоциональной неуклюжести», бесчувственности: бревно ‘тупой, глупый, нечуткий человек’ ← *бревно* ‘ствол большого срубленного дерева, очищенный от веток и без верхушки’; *пень* ‘глупый, бесчувственный человек’ ← *пень*

‘оставшаяся на корню часть ствола спиленного, срубленного или сломанного дерева’; *болван* ‘бестолковый, глупый человек’ ← *болван* ‘деревянная, картонная и т.п. форма, на которую натягивают головные уборы, парики, расправляя и изготовляя их’ ‘кароткае, тоўстае бярвяно’.

Анализ синонимических рядов семантических коррелятов с семей «неповоротливость, неуклюжесть» русского и белорусского языков дает основание полагать, что в белорусской языковой картине мира неуклюжий и вялый человек представляется более пассивным существом, чем в русской, поскольку все белорусские слова, зафиксированные в границах нашего материала и обладающие ВФ (*мяшок, пяхцер, мяла, цяльпук, калода*), представляют собой семантические дериваты, в основе которых лежит сопоставление с неживым объектом. В то же время среди их русских коррелятов встречаются такие, ВФ которых указывает на движения, лишённые изящности (*увалень* ← *валяться* ‘переворачиваться, перекатываться с боку на бок’), или существ, характеризующихся таким движением (*тюлень* ← *тюлень* ‘морское ластоное млекопитающее’).

На основании анализа ВФ оценочных номинаций лиц с семей «неповоротливость, неуклюжесть» можно утверждать, что как в русской, так и в белорусской языковых картинах мира наблюдается общий мотив уподобления неуклюжего, неповоротливого человека тяжелому, трудно вовлекаемому в движение предмету. В отличие от белорусских, некоторые русские корреляты отмечают слабую динамику в поведении неуклюжего человека. Такое физическое свойство древесины, как негибкость, послужило основой для отдельных наименований неловкого человека в белорусском языке.

Литература

1. Ровдо, И. С. О тождестве и сходстве в близкородственных языках / И. С. Ровдо // Русский язык: система и функционирование : мат. VIII Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 8–14.

Market competitiveness

*Козубовская П. А., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Морева Л. А., ст. преп.*

It's no secret that the labor market has become very competitive. More and more people improve their qualifications in search of well-paid jobs. If you don't like something at work, another 100 people claim your place.